
Предисловие

Столетие Первой мировой войны, как и полагается большим юбилейным датам такого рода, ставит перед обществом, культурой, наукой задачи развернутого ретроспективного анализа на новом этапе — с учетом всего накопленного за ушедший век разностороннего опыта — и той роли, какую сыграл этот катаклизм в истории, и его внутренней природы, и его предпосылок. В этом ряду особо важно взглянуть в широкий культурный контекст Первой мировой как грандиозного пролога к катастрофичной истории XX века. Ведь столкновение гигантских армий на мировых фронтах стало внешним политическим следствием глубинных ценностно-культурных и общецивилизационных процессов. И совершенно закономерно, что в итоге Первая мировая не только обрушила ряд империй и перекроила политическую карту, но и сформировала новую культурную парадигму, «модерную» «картину мира», в которой кубизм виделся неизбежным художественным коррелятом газовых атак Ипра, футуризм — эстетическим толчком к формированию большевистской и фашистской риторик, а трагический опыт «маленького человека в траншее» перед лицом массовой технологии смерти открывал широкие пути к экспрессионизму и экзистенциализму в искусстве и философии.

В годы войны ее именовали и «Великой», и «Второй Отечественной». Несомненно, в этом сказывались и ощущения грандиозности трагических событий, и представления о сиюминутной идеологической целесообразности. В перспективе большого исторического времени, наверное, можно поставить под вопрос, скажем, правомерность именованья этой войны «второй отечественной». Совсем не очевидно, что глубинные национальные интересы России в начале XX века совпадали с интересами Антанты, на стороне которой наша страна вступила в мировую бойню. То, что было предложено идеологами русскому обществу как его великие национальные задачи — панславистские устремления, освобождение Константинополя и черноморских проливов, борьба с холодным «фаустианским» механицизмом германского «нового варварства» на стороне либеральных демократий, которым, в пик немцам и австрийцам, зачастую приписывалась верность «духовным традициям старой Европы», и проч., — в конце концов все же так и не нашло в солдатской и широкой народной среде глубинного отклика, способного свести воедино большую идею и чаяния простого человека, как то в общем имело место позднее — во времена Великой Отечественной. Но при этом Первая мировая ознаменовала собой, конечно, начало трагического национально-го перерождения: крушение многовековой исторической реальности «старой России», высвобождение сокровенных «пугачевско-карамазовских» стихий народного духа и т. п. И как «знамение конца», и как пролог Русской революции, рождавшей «новый мир», и как опыт трансформации секулярного новоевропейского гуманизма в обезличенную кубистическую фабрику «оптовых смертей» (по слову О. Мандельштама) — едва ли не главный символ наступающего XX века — это была, скорее, «эсхатологическая» война. Не случайно риторика

ее осмысления в культуре оказалась пронизанной прежде всего апокалиптическим пафосом. И не случайно именно в России этот пафос обрел большую масштабность и всеохватность, чем в какой бы то ни было другой стране.

Но из всех возможных именований Первой мировой до сих пор остается безусловно актуальным одно: это по-прежнему во многом «неизвестная» война. И если сугубо историческая фактура военных событий изучена современной наукой достаточно полно, то широкий внешний контекст войны в России — социальный, общекультурный, художественный, литературный — поныне освоен лишь точно, не системно, во многом случайно. Отсюда — неизбежные aberrации, вплоть до откровенного мифотворчества, в современных представлениях о культурном фоне Первой мировой.

Именно по этой причине перед нынешней филологической наукой стоят задачи создания комплексной, системной и концептуально выверенной картины, отражающей историко-культурный контекст «кризисного расцвета» русской словесности Серебряного века в годы Первой мировой войны и рецепции политико-фронтных событий в литературной среде, фронтального изучения массива литературных и историко-культурных материалов этой эпохи, введения в научный оборот большого корпуса прежде неизвестных и не описанных источников, разработки новых моделей анализа литературных и историко-культурных фактов, свидетельствующих о сложной обусловленности феноменов отечественной духовной культуры 1914–1918 гг. военно-политическим фоном, демонстрации взаимосвязи между катастрофизмом отечественного модернизма и реальными обстоятельствами данного исторического периода.

В перспективе решения этих задач особенно важен анализ широкого круга отечественной публицистики и периодики от уважаемых столичных газет до женских журналов, от элитарных художественных еженедельников до церковно-епархиальных изданий. Не менее существенны и исследования литературной образности в соотношении с религиозно-философскими дешифровками исторических событий, с «иконографией» войны в искусстве, массовой плакатной агитации и проч.

Предлагаемая вниманию читателя книга — результат попыток продвинуться вперед в решении этих задач, которые были предприняты на базе отдела русской литературы конца XIX — начала XX века ИМЛИ РАН при поддержке Российского гуманитарного научного фонда группой ученых из разных научных центров России и зарубежья. Тематически она вырастает из исследовательской и публикаторско-комментаторской работы, первые результаты которой были представлены в коллективном труде «Политика и поэтика. Русская публицистика и периодика эпохи Первой мировой войны» (М.: ИМЛИ РАН, 2013) в рамках междисциплинарной серии «Россия в Первой мировой войне 1914–1918 годов».

Композиционно книга делится на два раздела.

Первый — и больший по объему — раздел содержит публикации с сопутствующим научным аппаратом не переиздававшихся либо не опубликованных и не введенных до сих пор в литературно-исследовательский оборот корпусов публицистических очерков на военную тему крупнейших русских писателей этой эпохи — Ф. Сологуба, В. Брюсова, А. Белого, Л. Андреева и З. Гиппиус. Эти тексты представляют собой источники первостепенной важности для изучения вопросов рецепции военных событий в отечественной литературной среде. Разумеется, ряд писательских имен начала XX века, оставивших очерковое наследие, посвященное Первой мировой и до сих пор ожидающее научной публикации, существенно

длиннее. Однако поскольку объем книги ограничен, для публикации были отобраны тексты, издание которых особенно актуально с точки зрения источниковедческих потребностей современной науки о русской литературе начала XX века. Принималась во внимание и репрезентативность позиции их авторов в идеологическом ландшафте военных лет в широком веере от патриотического подъема в поддержку военных планов России до «пораженчества». Существенную роль сыграла и способность материала продемонстрировать идейную эволюцию писателя в зависимости от изменения ситуации на фронтах, особенно явственной после событий Великого отступления 1915 года.

Публикуемые тексты Ф. Сологуба, представляющие собой максимально полный корпус статей и заметок (в том числе не опубликованных и печатающихся по архивным оригиналам) на военную тему для периодической печати, служат не только важным источником творческой биографии писателя, отдавшего с первых дней войны напористому гражданско-патриотическому пафосу, но и примером характерной для либеральной литературной среды эволюции от панславистского энтузиазма 1914 года к умеренному западничеству 1916-го. Блок материалов В.Я. Брюсова содержит полный корпус прифронтовых корреспонденций и статей на военную тему в «Русских ведомостях» и ярославской газете «Голос» за 1914 и 1915 годы. Его уникальность и востребованность обусловлены тем, что это самый большой единый тематический массив из неизданного и не введенного в культурно-научный оборот публицистического наследия крупнейших русских символистов. Очерки А. Белого для «Биржевых ведомостей», помимо прочего, интересны тем, что в них зафиксирован редкий для широкой русской печати этих лет взгляд на военные события с нейтральной заграничной территории — из швейцарского Базеля, принадлежащий к тому же символисту-германophile, подспудно противостоящему доминирующим идейным сценариям отечественной публицистики. Сборник Л. Андреева «В сей грозный час», в котором в 1915-м автор поместил статьи из периодики предшествующих военных месяцев, демонстрирует свойственный части демократической интеллигенции энтузиазм по поводу войны (писатель именовал ее «борьбой демократии с цезаризмом и деспотией»¹), способной, с их точки зрения, окончательно поставить крест на российском самодержавии и европейской реакции. Сборник примечателен и тем, что с него начнется постепенный путь Андреева к преодолению энтузиазма и более жертвенно-трагедийному восприятию «голоса войны» как разгневанного и взыскующего «гласа Божия», услышать который — значит пробудиться к полноте страдания и самоотречения, как то происходит с героем повести писателя «Иго войны» (1916) «маленьким человеком» Ильей Петровичем Дементьевым. Подборка материалов З. Гиппиус включает в себя максимально полный корпус в основном газетных («Голос жизни», «День», «Речь», «Биржевые ведомости», «Утро России» и др.) статей на военные и околовоеенные темы (за исключением републикованных за последнюю четверть века, а также посвященных в большей части революционным событиям) и иллюстрирует мастерство, с каким последовательный пацифист темперирует злобу дня существенно важными для себя символично-метафизическими темами культуры и религии и умудряется донести до читателя свою «прикровенно пораженческую» позицию, изошренно обходя рогатины жесткой военной цензуры.

Во второй раздел книги вошли исследовательские статьи, посвященные различным аспектам отражения войны в литературно-художественных источниках: военно-морской

¹ Литературное наследство. М., 1965. Т. 72. С. 546.

мемуаристике, националистической, женской и детской периодике, неореалистической и модернистской прозе, высокой и массовой поэзии, авангардистском лубке, писательских корреспонденциях, в том числе — из союзных стран, литературных дневниках и др.

Думается, что в своей совокупности представленные в книге материалы и исследования помимо иных заключений подводят к выводу о том, что картина освоения военной темы русской литературой оказывается крайне противоречивой и парадоксальной. С одной стороны, патриотический подъем первых военных месяцев сформировал набор устойчивых образов, клише и стереотипных стилистических решений, которые окажутся особо востребованными в годы Великой Отечественной. Но с другой — то, что по прошествии четверти века будет по-настоящему животворным для литературы, сумевшей сочленив общую идею и язык массового подъема с правдой простого человека в окопах, в годы Первой мировой порой не преодолевало сугубо риторических границ: патриотическая бравурная лирика 1914 года тех же Брюсова, Сологуба или, скажем, С. Городецкого — отнюдь не вершинное достижение этих больших художников. Однако там, где военный опыт не ограничивался внешними идеологическими декларациями, а уходил вглубь, определяя пути трагического осмысления реальности на уровне надрывного мироощущения и рожденного им стиля, тогда, когда, по выражению В. Маяковского, литератор писал не столько «о войне», сколько «войной»¹, русская литература оказывалась способной на истинные художественные обретения.

В.В. Полонский

¹ *Маяковский В.* Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 1955. С. 309.